

МЕЛОМАНИЯ

Ритуал отрешения от суеты

В Перми состоялся седьмой международный Дягилевский фестиваль под руководством Теодора Курентзиса

Юлия Баталина

По подсчётам организаторов фестиваля, за девять дней в его рамках прошло 27 мероприятий, которые посетили 14 тыс. человек. По наблюдениям со стороны, это был самый противоречивый фестиваль в истории пермской культурной жизни, по странности подбора программы и непредсказуемости событий могущий заткнуть за пояс любые «Белые ночи».

ФОТО СЕРГЕЙ КОПЫШКО

«Времена года»: отрешение от условностей для пермских девушек

Зрители, покидающие зал в разгар концерта, здесь не были редкостью, а одним из самых часто задаваемых риторических вопросов был: «А не дерajat ли нас за дураков?» В то же время фестиваль не испытывал недостатка в событиях, которые стали подлинными хитами, заставили испытать истинное зрительское счастье и благодарность к их авторам. Словом, Дягилевский фестиваль был разнообразен и противоречив, как и его руководитель Теодор Курентзис.

Непросто вообразить, что сказал бы по этому поводу Сергей Дягилев. Он всё-таки при всём своём новаторстве был коммерсантом и ориентировался на публичный спрос. Авторы же фестиваля его имени о публичном спросе не задумываются вовсе, ориентируясь лишь на личный вкус и личные связи. Что же касается новаторства, оно было то вопиющим и доминирующим, то внешним и чисто декоративным, а то и вовсе отсутствовало. Словом, было много разного... Внутри фестивального сюжета закручивались отдельные коллизии, рождавшие многочисленные пересуды.

Самой громкой историей стал показ перформанса Ромео Кастеллуччи «Времена года». Зрители были оповещены, что сюжет спектакля навеян историей об американском художнике-минималисте Марке Ротко, который с негодованием отверг заказ на оформление нью-йоркского ресторана «Времена года», ибо «не желал обслуживать сытых». Увы, знание подоплёки зрителям не помогло: ничто на сцене не было связано ни с этим сюжетом, ни с личностью Марка Ротко, ни с его творчеством. Связь между спектаклем и эпизодом из биографии художника если и есть, то сугубо ассоциативная и существующая лишь в голове Ромео Кастеллуччи.

На сцене 10 барышень — судя по всему, старшеклассниц — в школьных строгих платьях и фартучках (некоторые даже с красными повязками «дежурных» на рукаве) разыгрывают в спортзале трагедию немецкого писателя-романтика Фридриха Гёльдерлина «Смерть Эмпедокла». Типичный учебный спектакль, где девочки играют все роли — мужские и женские, становятся в картинные позы и вообще всячески демонстрируют самостоятельность постановки.

Есть, правда, шокирующий нюанс: перед тем как начать играть, девочки по очереди медленно «отрезают» ножницами собственные языки и бросают их на пол. Кровавого натурализма постановщик избежал, действие выглядит условным, а на пол актрисы кидают, очевидно, что-то очень вкусненькое, поскольку эти кусочки тут же съедает бегающий по сцене симпатичный упитанный лабрадор, приветливо повиливающий хвостиком.

После этого актрисам говорить уже нечем, и всё действие происходит под

запись текста пьесы, хрипло воспроизводимую старым громоздким радиоприёмником. Когда дело доходит до собственно смерти Эмпедокла (герой бросается в извергающуюся Этну), барышни, в противовес тексту, разыгрывают мистерию рождения: создают из собственных тел некие организмы, из которых девушки по очереди «рождаются», попутно с помощью подруг освобождаясь от одеяний, и абсолютно нагими уходят за кулисы.

Пикантность ситуации придало то обстоятельство, что девушки (как и лабрадор) были пермские, набранные по кастингу, как гласила молва, из стриптиза.

После загадочного перформанса, согласно замыслу Ромео Кастеллуччи, должна была следовать немая и в то же время очень громкая (зрителям раздавали беруши) сцена, где в тёмной комнате летают и с грохотом сталкиваются некие частицы. Однако всё оборудование для этого «вселенского шоу» таинственно исчезло по дороге из Рима в Пермь вместе с директором транспортной компании и так и не было найдено.

Зрители, расходясь после спектакля, рассуждали о том, что, наверное, в эти последние минуты и была вся разгадка! Увы, очевидцы первого показа «Времен года» на Авиньонском фестивале утверждают, что никакой разгадки там нет. Всё только ещё больше запутывается.

Словом, «Времена года» вызвали много разговоров, много недоумения, но не слишком много радости. В программе фестиваля было немало подобных казусов.

Так, три четверти зрителей разошлись с хохотом в середине концерта немецкого Ensemble Modern, по пути переспрашивая друг друга, слышали ли они разницу между первым и вторым исполненным опусом и различили ли вообще, где кончился первый и начался второй.

Массовое бегство зрителей наблюдалось во время концерта Владимира Мартынова и пианистки Полины Осетинской, которые играли «Переписку» Мартынова с коллегой Георгием Пелецисом. Перед началом музицирования Мартынов честно предупредил, что предлагаемый опус не имеет высокой художественной ценности и интересен лишь своей документальностью (произведение и в самом деле создавалось по переписке), так что публика была морально готова... Но всё же начала спасаться бегством, когда Мартынов, демонстрируя фанатичную приверженность американскому типу музыкального минимализма и пытаясь стать ещё более «глассовым», чем лидер этого направления Филипп Гласс, на протяжении получаса повторял одну и ту же музыкальную фразу, при этом лупя по клавишам рояля, как школьник, и отчаянно промахиваясь мимо них.